

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 155 (4121)

Суббота, 19 декабря 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Георгий РАДОВ

СНИХОДИТЕЛЬНОСТЬ НЕ НУЖНА!

ЗАМЕТКИ
О ДЕРЕВЕНСКОМ ОЧЕРКЕ

НА СТОЛ читателя легла новая книга Ивана Винниченко «Дума о коммунизме». Это не беллетристика, а публицистика, и в публицистике умная, содержательная и в достаточной степени смелая.

Неплохой знаток сельского хозяйства, Иван Винниченко поднимает большой пласт жизни нашей деревни, рассматривает остройшие проблемы современности, взглядаются в будущее.

...Вдосталь поездий по стране, автор попадает на Полтавщину, в родное село, и там-то узнает от земляков, что их отстаивают колхозы, даже после известных решений партии по сельскому хозяйству, шагает совсем не так споро, как движутся вперед наши линии колхозы. И еще он узнает, что отстаивает этот колхоз все не по вине колхозников и их председателя, а из-за обстоятельств, решительно от них не зависящих.

Встревоженный «проблемой отсталых», озадаченный множеством противоречий, автор направляется в разведку. Он едет на Болгур, в Ставрополье, на Кубань, под Киев. Он встречается со старыми друзьями и заводит новых друзей. И светится с ними, и выслушивает их мнения, в спорте... Наконец, он наывает видного ученого, академика С. Г. Струмилина, делится с ним своими мыслями и узнает его мысли.

И оказывается, что «проблема отсталых» тянет за собой множество других важных проблем, а размыщления над судьбами отстающих прямехонько подводят автора к спорам и об организационных формах хозяйствования и о путях сближения двух форм собственности, и о многом другом.

Надо заметить, что Винниченко не из тех публицистов, которые, насытив густой лес проблем, предоставляют читателю самому искать в нем нужную тропку. Въедливый и дотошный в поисках, запалчивый в спорах, Винниченко весьма решителен в суждениях и выводах. Смотрите, как называются главы этой темпераментной книги: «Против трудодория», «Колхоз или совхоз?», «Стратигическая ошибка», «Отсебятина», «Дерзай».

Книжка, без всякого сомнения, как говорится, плюснула масла в огонь споров о будущем деревни. И в этом ее ценности! Она будит мысли читателя, зовет в заграинский день.

Но есть в ней одно место, которое не может не вызвать решительное возражение у каждого, кто любит наше литературу. Это глава «Спор с Валентином Овечкиным».

Вот в каком тоне написана эта глава: «Об Овечкине. Его смелые очерки сыграли в свое время большую положительную роль... Но... Ей-богу же, не видит он главного! Замечая зорким глазом художника те или иные противоречия в колхозной жизни, он пытается разрешить их на основе тех положений, которые сами являются разумом еще более глубоких противоречий. Именно поэтому, как мне кажется, он нередко сам впадает в противоречие с жизнью, а заодно и с самим собой. Да, да, так оно и есть»

Приводят: «Очерки сыграли в свое время... «не видит он главного» — приговор, зачеркивающий творчество пи-

сателя, давно и прочно полюбившегося народу», — вынесен бездоказательно.

Правда, автор приводит одно конкретное выражение против очерка «Районные будни». Сразу скажем, что немногим странно слышать сегодня, в 1959 году, возражения против очерка, напечатанного в 1952 году. Несколько смущает это и самого Винниченко. Он пишет: «Овечкин может сказать: «Иши, какой хитрый! Задним умом каждый крепок. Ведь очерк-то писался еще в 1952 году! Так можно ли было все предвидеть?» — И продолжает: «А почему бы и нет? Разве решения партии возникают просто так, по наитию? Разве они не подсказывают самой жизнью?»

Это «почему бы и нет?» просто великолепно! Уместно напомнить, что между осенью 1952 года, когда писались и печатались «Районные будни», и осенью 1953 года, когда состоялся сентябрьский Пленум ЦК, — существенная разница. И разница не просто времена, а в политической обстановке в стране. Можно ли сейчас забывать об этом? Как можно писать: «Уже...»

Это понимал и понимает очерк Овечкина совсем иначе: потому они и популярны в народе! В позапрошлом году в Ленинграде мне довелось быть на читательской конференции по «Районным будням» и «Грудной весне». Конференция состоялась в старшем рабочем районе, на Выборгской стороне, среди тысячи человек не было ни одного деятеля сельского хозяйства. Выступали заводские люди, городские интеллигенты, — и как выступали! Разговор шел о мартыновском и борзовском стиле жизни и поведения, о долге человека перед народом, о гражданской смелости.

И этот разговор стал возможен потому, что перед читателями было подлинно художественное произведение!

(Окончание на 2-й стр.)



МИР БЕЗ ОРУЖИЯ. 196... ГОД

Новый образ мыслей

ПРОДОЛЖАЕМ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

ОБЩЕМЯРНОЙ разрушительной силы современных видов оружия поставлена перед человечеством дилемма: либо следует предотвратить войны, либо прекратить род человеческий. Некоторые считают, что предотвратить войны невозможно, и потому всячески ищут способа убедить других в том, что «большая война» не обязательно будет всесущающей. Я считаю, что такие люди ошибаются вдвое: как в оценке последствий будущей войны, так и в вопросе о том, насколько трудно создать институты, с помощью которых удастся предотвратить войну в будущем.

Для того чтобы предотвратить войны, необходимо постепенным переходом к новому образу мыслей и к новым институтам, которые соответствовали бы ему.

Этот крайне необходимый новый образ мыслей в известной мере выражается уже сейчас. На первых порах речь будет идти главным образом о культурном сближении. Важно, чтобы Восток и Запад взаимно выяснили свои взгляды и пришли к молчаливому соглашению о том, что каждая из сторон сохраняет свое миропорядение. Под влиянием холодной войны у каждой из сторон сложилось сильно преувеличенное, неверное представление об образе жизни другой стороны. Ни одна система, установленная человеком, не является совершенной, но когда преобладают враждебные чувства, очень легко преувеличить пороки любой системы, отличающейся от той, к которой мы привыкли. Несомненно, лучше всего помогает создать атмосферу взаимной терпимости культурного общения, по возможности личного и более широкое. Оно может осуществляться путем свободного обмена книгами и информацией. Я считаю, что в таком культурном общении ни одна из сторон не должна стремиться к тому, чтобы обратить в свою веру другую; цель должна состоять только в одном: привести к пониманию того, что различные народы предпочитают различные социальные системы и что они прекрасно могут сосуществовать, не пытаясь друг к другу никакой ненависти. До сих пор, однако, обе стороны поглатили, что опасно слишком много знать о другом лагере.

По-моему, о том, что так было, можно только пожалеть, и я рад, что сейчас эти настроения не так сильны, как раньше. Я полагаю, что упор следует делать скорее на то общее, что есть у обеих сторон, нежели на то, что их разделяет. Хотя политические разногласия обычно мешают осознанию общих интересов. Конференция состоялась в старшем рабочем районе, на Выборгской стороне, среди тысячи человек не было ни одного деятеля сельского хозяйства. Выступали заводские люди, городские интеллигенты, — и как выступали! Разговор шел о мартыновском и борзовском стиле жизни и поведения, о долге человека перед народом, о гражданской смелости.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

Разумеется, существуют проблемы — иной раз весьма тяжкие, — они сохраняют беспомощную, не приносящую никакого выигрыша напряженность, которая причиняет страдания всему миру. До сих пор взаимные подозрения делали решение этих проблем почти невозможным делом, но в более дружественной атмосфере.

СНИХОДИТЕЛЬНОСТЬ НЕ НУЖНА!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ДА, ХУДОЖЕСТВЕННОЕ! И как же прискорбно, что этот критерий — художественность — очень редко применяется при оценке произведений очеркового жанра.

Даже самое слово «очерк», великолепно и точно определяющее боевой жанр литературы, даже само это слово переживал как бы инфляцию. Все чаще в литературных журналах под рубрикой «очерк» появляются и статьи, и корреспонденции, и репортажи, и белые пустевые заметки. Почему и зачем это делается — горько! Не шевелится же редакторская рука окрестить деловую корреспонденцию рассказом, пьесой, стихотворением. Этого нельзя? А «очерком» назвать ее можно?

Н. может, именно потому, что слово «очерк» в какой-то степени обесценено, сами художники-очерксты с благословениями редакторов и издателей все чаще рдят своим произведениям в однажды с чужого плеча. Очерки имеются и рассказами, и документальными повестями, и просто повестями. А ленинградский писатель М. Жестев называл недавно свой большой очерк «Золотое кольцо» романом.

Надо сказать, что на практике взгляд на термин разновиден взгляду на существо очерка как жанра литературы. Помогите на критике. Мало того, что она вообще не балует очерк своим вниманием, но как она его оценивает? Страна очеркисту затронут актуальную тему или, более того, «предвосхитила», как у нас говорят, какое-нибудь появление или реорганизацию, как критика немедленно отпускает «предвосхитившему» автору все грехи по части художественности.

Но нуждается ли наш советский очерк, который давно вышел «в люди» и имеет отличных мастеров-художников, в какой-то снисходительности? Да ведь проблематика, актуальность, остро — это же элементы, без которых вообще нет очерка! Но, как справедливо замечал Александр Твардовский, никакая актуальная тема не дает права на снижение художественного образования художественности, так робко применяется при оценке очерка?

Правда, критики могут сказать, что они не раз повторяли: «Очерк — это разведка боем», отводя очерким явно авантюрную роль в литературе. Но задумаемся: нет ли в этом определении («разведка») доли снисходительности и преизбрания?

Да, разведка. Но только ли? Очерк, значит, разведдал, а потом принял рассказчик или романтик и обработал разведданную нову? Но это же чистый абсурд! Если обратиться к истории литературы, то выйдет, что Глеб Успенский, очеркист до мозга костей, только разведывал литературные нивы, а посредственным беллетрист Потапенко засевал их и пожинал урожай! Значит, Успенский — мастер литературы «малой», «подготовительной», а Потапенко — «большой»?

И поставим еще вопрос. Если разведка, то разведка чего? Только проблем? История, как и современная литература практика решительно встают против такой роли очерка и очеркиста. Не будем ссылаться на школьные примеры удивительной живучести очерков Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Писемского, Лескова, Глеба Успенского, Короленко, Чехова, Горького... Пройдемся по стечениюному фронту советского очерка, точнее, драматического очерка советских лет, поскольку речь зашла о деревне.

Разве не решены жизнью, разве не стали достоянием историков проблемы, которым посвящены дооцененные очерки Владимира Ставского, Алексея Колюкова, Валентина Овечкина? А очерксты живут, издаются, читаются! А перелистывают пять-шестидесятилетней давности! Они-то разведывали проблемы на этапе, который уже прошел нашей деревни. Но вспомните сегодня лучшие очерки Анатолия Калинина, Григория Бакланова, Ивана Антонова, Михаила Жестева, Лидии Обуховой, Владимира Тендрикова, Владимира Солоухина, Сергея Залыгина, Александра Истяжского, Гавриила Троепольского, Ольги Кретовой, Владимира Фоменко, Тихона Журавлева, Вячеслава Пальмана, Леонида Иванова, Сергея Крутилина, —

да неужели они интересны нам только как свидетельства о дне минувшем?

Так не ясно ли, что на долголетие эти «бледноватые» очерки повенчаны художественностью! Они разведывали и проблемы, и характеры современников, а это вызывало широкий, не оставляющий интерес к ним.

СКАЗАВ ЭТО, хочется обратиться к выдающейся книге минувшего года, написанной в очерковом жанре, — к «Деревенскому дневнику» Ефима Дороша.

О том, что это поэтическая, свежая и умная книга, уже писали. Но вот что поразительно: как сумел художник в одном небольшом томике, где и простейшие описания русской природы, и исторические экскурсы, и сцены из деревенского быта, и целая галерея образов крестьян, — как сумел он тут же так полно и обстоятельно рассмотреть и политические, и экономические, и организационные проблемы современной деревни! Как органично вплетаются деловые размышления в художественную ткань «Дневника»!

Н. может, именно потому, что слово «очерк» в какой-то степени обесценено, сами художники-очерксты с благословениями редакторов и издателей все чаще рдят своим произведениям в однажды с чужого плеча. Очерки имеются и рассказами, и документальными повестями, и просто повестями. А ленинградский писатель М. Жестев называл недавно свой большой очерк «Золотое кольцо» романом.

Надо сказать, что на практике взгляд на термин разновиден взгляду на существо очерка как жанра литературы. Помогите на критике. Мало того, что она вообще не балует очерк своим вниманием, но как она его оценивает?

Страна очеркисту затронут актуальную тему или, более того, «предвосхитила», как у нас говорят, какое-нибудь появление или реорганизацию, как критика немедленно отпускает «предвосхитившему» автору все грехи по части художественности.

Но нуждается ли наш советский очерк, который давно вышел «в люди» и имеет отличных мастеров-художников, в какой-то снисходительности?

Да, разведка. Но только ли? Очерк, значит, разведдал, а потом принял рассказчик или романтик и обработал разведданную нову? Но это же чистый абсурд!

Если обратиться к истории литературы, то выйдет, что Глеб Успенский, очеркист до мозга костей, только разведывал литературные нивы, а посредственным беллетрист Потапенко засевал их и пожинал урожай! Значит, Успенский — мастер литературы «малой», «подготовительной», а Потапенко — «большой»?

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту: «А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

«А все говорят, что кадров нет!»

Молодая больше не появится в «Дневнике», но это сказано к месту:

Стихи Фазиля Искандера



Хочется в двух словах рассказать нашим читателям о молодом одаренном поэте Фазиля Искандере. Он родился в 1929 году в Сухуми. Там же окончил среднюю школу, а высшее образование получил в Литературном институте имени Горького. После этого работал в редакциях газет в Курске и Брянске. Сейчас работает ре-

дактором в Абхазском государственном издательстве в Сухуми.

В Абхазии вышли две его книжечки стихов: «Горные тропы» и «Доброта земли». В нашей газете была напечатана его «Баллада о рыбном промысле».

Фазиль Искандер пишет по-русски, но в его стихах — абхазское поэтическое видение мира.

Трудно предугадать судьбу поэта. Но те стихи, что уже написаны Фазилем Искандером, позволяют верить в его поэтическое будущее.

Георгий ГУЛИА

РОДНИК

Родник в орешнике дремучем,
Я заклинило от беды
Струю холодной колючей,
Железной пахнущей воды.

Сгорая от колхидской жажды,
Брода уроцким глухим,
Его морд открыты однажды
И поселился перед ним.

Родник! Воды живой свеченье
Понт живое существо.
Здесь даже летоносисленье
Со дня открытия его.

В нем столько силы затянутой,
Что даже колья вкруг него
Листьями брызнули зеленою.
И знать не знали ничего.

К нему с кувшином обожженным
Я по утрам бежал один,
И в типине настороженной,
Гудело сердце, как кувшин.

Под камнем черный и отвесным
Лежал прозрачный до нутра,
Недвижный и тяжеловесный
Могучий слиток серебра!

Над ним шиповник цвел глазастый.
Какой-то научон сквозной,
Как конькобежец голенестый,
Скользя по глади ледяной.

Бывало, всадник мимоезжий
Коня осадил у плетни.
— А нука, водочерпий, свежай! —
И грузно свесится с коня.

Он пил, покачиваясь еле.
Взопривеский конь топтал тропу,
А калия пота ходолели
На стенах кружки и на лбу.

Орда девчат колхозных, наших
Катилась под гору гурьбой,
Ольховых выстроены шалаши,
Окатывалась той водой.

О, сколько вскриков огорченных,
Дрожащих улетало вдаль,
Когда вода струей крученой
На их плечах разгорченных
Обламывалась, как хрусталь!

...Уходит вдаль моя дорога,
Но не забудет мой язык
Твой, исток моих истоков,
В густом орешнике родник!

ХОЧУ Я В ГОРЫ

Хочу я в горы, в горы, в горы,
Где молодые облака
Рождаются у ледника.
Я не ищу в беде опоры,
Мне жизнью были эти горы,
Мне снятся влажные луга.

Хочу туда, где водопад
Летит, как брошенный канат,
Качается на лету,
Где, как раздавленный гранат,
Закат течет по льду.

Туда, где лавровинен грозди,
Глаза чумазые скосив,
Глядят без работы в обрыв;
Где пастухи играют в кости,
На камне бурку расстелив.

Хочу я в горы возвратиться,
Хочу я видеть, как волница
Чтобы рассказать был жажден
Чтобы это слыхано?

РЕДАКТОР. Я говорю о газете.
ПИСАТЕЛЬ (напевает).
Я говорю о газете.
Где это видано?
Где это слыхано?

РЕДАКТОР. Я говорю о газете.
Или вы передадите рассказ ральными издательствами.
Этот новый издательский жаргон позволит оперативно, мгновенно, номер не опоздает.
РЕДАКТОР. Нет, что вы. Это забавно. Да помнят живые великих мертвцев моей страны! Целую матушку, узнавшую впервые, что слезы счастья тоже слоны. Я видел пахаря. По круче шел и шел он — Живое воплощение труда. И сошла солна на лбу его тяжелом и на плечах землистых, как руда. Он сгребал рукой ее небрежно. Он шел за плугом по сырой земле. И та же соль в солноке, белоснежна, блестит прохладно на обедненном столе.

Давайте помечтаем

РЕПЛИКА

Вообразим себя очевидцами такого разговора в издательстве:

РЕДАКТОР. Ваш рассказ интересен. Мы напечатаем его на этой же неделе.

ПИСАТЕЛЬ (недоверчиво). На этот неделе? Но ведь сборник выйдет не

Чтобы рассказ был жажден
Чтобы это слыхано!

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Нет, что вы. Это забавно. Да помнят живые великих мертвцев моей страны! Целую матушку, узнавшую впервые, что слезы счастья тоже слоны. Я видел пахаря. По круче шел и шел он — Живое воплощение труда. И сошла солна на лбу его тяжелом и на плечах землистых, как руда. Он сгребал рукой ее небрежно. Он шел за плугом по сырой земле. И та же соль в солноке, белоснежна, блестит прохладно на обедненном столе.

Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Нет, что вы. Это забавно. Да помнят живые великих мертвцев моей страны! Целую матушку, узнавшую впервые, что слезы счастья тоже слоны. Я видел пахаря. По круче шел и шел он — Живое воплощение труда. И соша солна на лбу его тяжелом и на плечах землистых, как руда. Он сгребал рукой ее небрежно. Он шел за плугом по сырой земле. И та же соль в солноке, белоснежна, блестит прохладно на обедненном столе.

Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

РЕДАКТОР. Я говорю о газете. Или вы передадите рассказ ральными издательствами.

Этот новый издательский жаргон позволяет оперативно, мгновенно, номер не опоздает.

ЧТО ВАМ ПИШУТ?

Татьяна ТЕСС

«...ПЯТЫЙ раз я стою перед судом. Пятый раз я рассказываю суду историю своей жизни, своего неудачного брака, отстаиваю права на своего сына, борюсь за его дальнейшую жизнь. Бывшая жена моя сидит в том же зале, что и я. В пятый раз она спокойно, с ироничной улыбкой выслушивает все то, что я говорю о ней о ее внутреннем облике, о равнодушном к нашему ребенку. Я знаю, она не воспитывает сына, как должно, знаю, что он может погибнуть, если останется у нее. Благослови, что каждое слово мое правдиво. И в пятый раз суд решает оставить сына ей, ибо она, как мать, имеет на него решающие права...»

Прошло уже много времени с той поры, как я впервые прочла это письмо. Но я необычайно явственно помню лицо сидевшего передо мною человека, его покрасневшие, словно от бесконечной, глаза, фотографию, которую он держал в руке. На снимке был изображен худенький мальчишка в очках, лет семи.

Корреспондент мой был геологом. Жена оставила его в то время, когда он был в экспедиции и ушла к другому человеку.

— Я не хочу говорить о нем ничего дурного, — сказал мой собеседник, смотря мне прямо в глаза. — Товарищи называют его «хорошим парнем». Не знаю, может быть, это правда. Но я знаю одно: это совершенно неинтеллигентный человек. Он ничего не читает, в его комнате нет даже книжной полки. Он пьет. Каждый вечер у них гости, со-бутыльчики; в комнате стоит табачный дым, сажаиваются они дознада. В этой же комнате — кроватка моего сына. Утром и отмим, и бывшая жена моя уходит на работу. Мальчик остается со своей новой «бабушкой». Это женщина грубо дышит. Ребенок ее раздражает, она отсылает его во двор, на улицу... А ведь он плохо видит! — голос моего собеседника дрогнул. — Поймите — у него бледность, косоглазие, он может попасть под машину. С ним надо специально заниматься... Все это делала моя мать: она учитчица, сейчас на пенсии. Жена никогда не занималась сыном.

...И снова началось очередное судебное дело. И снова началась борьба за ребенка, за его будущее, за его судьбу. В этой борьбе принимала участие и я. Волны наши продолжались долго. И в конец настал день, когда мальчик вернулся к отцу.

Почему я сейчас вспомнила этот случай? Не могу забыть того волнения, которое испытала я, ощущая душевное доверие, с каким незнакомый мне человек рассказывал о трагедии своей жизни, открывая самые заветные, самые трудные частицы своей души. Я рискнула рассказать об этом, потому что знаю: это доверие не было моей собственной, личной заслугой. Это доверие завоевала работа, которую я делаю, дело, которому я служу.

Непосредственность душевного отклика наших читателей огромна. Мы убеждаемся в этом на множестве примеров.

Я вспоминаю историю с одним рассказом. Главным персонажем его была маленькая девочка; рассказ сопровождался рисунком, сделанным детской рукой. На рисунке был изображен дом с трубой; торчащие в разные стороны палочки обозначали двух людей, сидящих за столом, и бегущую через комнату кошку.

Этот рисунок девочка повторяла каждый день, сдавая в руки попадалась канцелярии. Иногда она говорила при этом: «Вот папа... вот мама... а это — наш дом».

Родители девочки были убиты во время бомбардировки. Бомба разрушила до основания и дом, в котором все они жили. Тень прежней жизни осталась только на бумаге. И девочка все повторяла и повторяла один и тот же рисунок, приговаривая: «Вот папа... вот мама... вот наш дом...»

Прошло некоторое время — и автор рассказа начал получать письма.

День от дня число их увеличивалось. Письма шли с разных концов нашей страны, и каждое из них говорило об одном и том же: адресат хотел усыновить придуманную автором девочку.

Люди рассказывали о своих семьях, о заработке, об условиях, в которых девочка будет жить. Женщина-врач из Грузии подробно описала свою жизни в Симферополе, виноградник в саду и сообщила, что она, как медик, убережет ребенка от каких бы то ни было последствий дистрофии и пережитой душевной травмы. Из Сибири пришло письмо с просьбой обязательно прислать фотографию девочки: ад-

ресат был убежден, что это — дочь его старого школьного товарища. Железнодорожник из Алма-Аты приспал рисунки своих детей, где были изображены кошки и дом, в который ребята зовут девочку вместе с ними жить.

Сердца людей, переживших горе и утраты войны, с досветием открылись для эстетики, для материинской ласки, для стремления согреть и укрыть чужого осиротевшего ребенка.

Созданный писателем персонаж рассказывал жилю уже за пределами рукописи, за пределами страниц журнала. Добрые человеческие чувства, как в сказке, превратились в придуманного литературного героя в живое существо.

Писателя П. Нагиенко называли человеком для людей. Всякий, кто когда-либо с ним встречался, помнит, сколько знал он удивительных человеческих историй и как замечательно их рассказывал. Но он никогда не был копией чужих трагедий и судеб. Он воспринимал их как повод к действию: боролся за людей, отстаивал их, помогал им. Его дом был всегда полон знакомых и незнакомых. Почта привносила ему письма со всех концов страны. Кто только не писал! Строители Ферганского канала, гидрологи Туркмении, грузинские поэты, председатель колхоза из Заволжья, партийные работники Дальнего Востока... Всюду, где бывал Павленко, он как бы оставил нить, идущую к его памяти, его душе. «Зажигает только тот, кто сам горит», — говорил он, и это была правда. Люди писали ему охотно, рассказывали о себе, о работе, делали многое. Не одни из них ожидают потом на страницах книг писателя в благородном сплаве искусства.

Читатель — наш друг и наш верховный судья. Правда, и читатель, как каждый человек, может быть несправедлив, может ошибиться, и мы порой не без горечи сталкиваемся с примерами этого. Но не о подобных случаях я хочу сейчас говорить.

Писатель — это, если хотите, его жизнедеятельный творческий отчет, живая сводка его деятельности. Заглянуть в почту писателя — значит узнать о нем многое. Степень активности, с которой писатель вмешивается в жизнь, «внутренняя сторона» его работы, когда литературное произведение является не только хорошим романом или повестью, но и хорошим человеческим поступком, — все это явственно отражено в читательских письмах, дышит и живет в них.

Из читательских писем вы можете узнать отношение к писателю и как к мастеру, и как к человеку.

Она любила ЕГО. А он любил музыку. Она страдала. Но страдала так красиво, меняя туалеты и катаясь на своем роскошном авто, что незадолго настало другой музыкальный талант, который самоотверженно разделся с ней скромный удел дочки миллионера. Однако жертва оказалась настолько хорошим романом или повестью, — жена все равно мечтает о том, первым, теперь уже знаменитым скрипаче. А он оять любит музыку. И тогда герой «осознает», что искусство важнее, чем чувство, и спешно просыпает мужа доучиваться в Швейцарию.

И вот в финале благородный супруг блестяще играет Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского. Глубокий профессор млеет от восторга. А глубоко философская проблема картины получает, наконец, свое разрешение: выясняется, что можно любить одновременно музыку и свою собственную жену без ущерба для обеих конкурирующих сторон.

История эта, рассказанная нами, быть может, несколько застарела, так потряса-ла работников Глазкинопроката, что не дождались даже окончания дубляжа, они начали крутить ленту «под переводчи-ком» в двух крупнейших ленинградских кинотеатрах.

Я не хочу предъявлять фильму «Рапсодия как-то особые требования. В конце концов веселая, пусть даже не понимающая особо важных вопросов картина тоже может занять место на экране, соответствующее ее значению. Но хоть бы немного изящества, тональности, вкуса. Ну, хоть один оригинальный, не избитый прием. Увы, хороша в фильме только музыка Чайковского.

Если бы нужно было отыскать классический образец стандартной продукции Голливуда, лучшего примера, чем «Рапсодия», не выдумашь. Там есть, конечно, и роскошная жизнь с романтическими кафе, концертными залами, холлами отелей, бытом художественной богемы; есть и щедро раскрашенные пейзажи, и машины последних марок, и туалеты последних фасонов. Есть, наконец, «звезды», к сожалению, в данном фильме больше впечатляющие своим гардеробом и внешностью, чем исполнением.

Нет, быть может, портних не без пользы проведут полтора часа в кинотеатре: их зрудность пополнистися. Кое-что могут покрепче для себя и любители автомата. Наконец, будущие пианисты и скрипачи твердо запомнят, что только терпение, труд и примерный образ жизни могут привести их к вершинам славы. Впрочем, кажется, кинопрокат уже уил их этому года два назад в одном из аналогичных фильмов.

...Неужели среди огромной продукции американского кино нельзя было найти картины более интересной и талантливой? Ведь видели же мы совсем недавно такую

И опять-таки, как правило, все эти трудные, а подчас даже и драматические человеческие коллизии находят свое выражение письмах, заключенных в пухлых или тонких конвертах, идущих от читателя к писателю.

Переписка с читателями требует от писателя не только времени. Она требует его сердца, его душевной щедрости. Это — дело не одностороннее; поток писем, вызванный каким-либо произведением, быстро и горестно мелеет, если он остался без ответа, написанного той же рукой, что создала тронувшие сердца читателей страницы. Но всегда ли писатель так же вдумчив и честолюбив в письмах, как на страницах своего романа? Об этом тоже время от времени стоит задуматься.

Редактор любой нашей газеты, если, конечно, он настоящий, талантливый редактор, всегда живо интересуется, сколько писем пришло в редакцию за день или за неделю. Но количеству писем, по его страсти, содержательности можно судить, насколько глубоко газета отвечает запросам читателей, не отдалась ли она от тех явлений жизни, которые читатели наиболее дороги и близки.

Мне кажется, это можно отнести не только к газете, но и к каждому писателю, к его труду и жизни, к его творческой судьбе.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

Сегодня хочется напомнить прозорливому автору об этом, возможно, забытом им самим рисунком.

С